

менных абхазо-адыгских народов (абхазов, абазин, убыхов, адыгейцев, черкесов, кабар-динцев) и отчасти осетинского народа» (стр. 66—67).

Как справедливо замечает Ш. Х. Салакая, в картоведении в целом до сих пор имеется целый ряд нерешенных проблем, связанных с генезисом эпоса. В этом отношении важное значение имеет этимологии нартских терминов, особенно термина «нарт» и многих собственных имен. Термин «нарт» автор возводит к эпохе наирского (впоследствии урартского) могущества и видит в этом термине выражение этого этногеографического понятия с некоторыми фонетическими изменениями в корне слова: наир — нар — нарт (см. стр. 74). Нелишенная основания, оригинальная интерпретация Ш. Х. Салакая термина «нарт» заслуживает дальнейшего изучения. На наш взгляд, приведенные им аргументы недостаточны для окончательного решения вопроса.

В рецензируемом труде специальный раздел посвящен абхазскому эпосу об Абрскиле — герое-богоборце. На основе изучения всех опубликованных и неопубликованных вариантов эпоса об Абрскиле Ш. Х. Салакая правильно, на наш взгляд, трактует этот образ народного героя. В первоначальной основе героического сказания о нем отражен период перехода от матриархата к патриархату, борьба, связанная с этим великим социальным переворотом в жизни первобытнообщинного строя, с утверждением мужского приоритета в бытовой и общественной жизни (стр. 114). Сказание об Абрскиле, «как бы продолжает нартский эпос, являясь его заключительным этапом» (стр. 114).

Последняя, третья, глава труда (стр. 124—183) посвящена историко-героической словесности абхазов. В ней автор подробно рассматривает широко распространенное и поныне народное сказание об «апсха» — абхазском владетеле (или царе). Однако отнесение основы этого сказания к эпохе греческой колонизации (с VI в. до н. э.) нам кажется неубедительным. Автор полемизирует по этому вопросу с Ш. Д. Инал-Ипа, который образ апсха связывает с именем первого абхазского царя Леона II (см. стр. 129). Здесь нет возможности подробно остановиться на содержании сказания об апсха. Оно достаточно полно изложено в рецензируемой работе (см. стр. 127—128). Это сказание, на наш взгляд, могло возникнуть и после царствования Леона II, после образования Абхазского царства (около 797 года), отразив как воспоминание прошлого и эпоху греческой колонизации, и эпоху объединенного Абхазского царства.

Далее в работе исследуются циклы историко-героических песен и сказаний эпохи позднего феодализма: 1) памятники, повествующие о борьбе с иноземными захватчиками; 2) песни и рассказы о борьбе абхазского народа за социальную справедливость и 3) махаджирский фольклор — печальные песни-плачи и грустные рассказы о тягчайшей трагедии в истории абхазского народа — насильственном изгнании абхазов во второй половине XIX в. на чужбину в Турцию.

Значительный интерес представляют также страницы, посвященные изучению поэтики. Автор подробно освещает вопросы композиции, художественных приемов и стиля произведений абхазского эпоса.

Таково в самых общих чертах первое монографическое исследование народного героического эпоса абхазов. Знакомство с работой Ш. Х. Салакая «Абхазский народный героический эпос» может быть полезным не только для специалистов-абхазоведов, но и для исследователей эпоса других народов.

С. Зухба

И. М. Линдер. *Шахматы на Руси*. М., 1964, 162 стр.

В последние десятилетия все более четко выступает тенденция комплексного изучения исторических явлений. Сторонником такого изучения является и автор рецензируемой книги. О «тысячелетней истории шахмат на Руси» он пишет: «Изучение ее показывает, как древняя восточная игра в процессе многовекового развития превратилась в одну из ветвей национальной культуры, тесно связанную со многими другими областями деятельности и культуры — ремеслом, прикладным искусством, литературой, народным эпосом, просвещением и т. д. Вместе с тем становится ясной взаимосвязь шахматно-исторического исследования со многими областями науки — историей, археологией, этнографией, языковедением и литературой» (стр. 157—158).

Автор привлекает архивные и музейные материалы из ряда городов, новые данные археологических раскопок, письменные источники, а также фольклорные произведения (особенно былины и пословицы).

И. М. Линдер подвергает изучению историю шахмат в различных аспектах: их терминологию, причем вскрывает своеобразие названия одной из фигур — «ладья», известного только у восточных славян; способы игры; типы фигур, из которых отдельные «отображали различные рода древнерусского войска» (стр. 155) (пешее войско —

«пешцы», конницу — «конь», военный флот — «ладья»); мастерство камнерезов; социальную среду, где бытовала шахматная игра; наконец, отображение шахматной игры в былинах (одна из глав так и называется — «Сквозь призму былины»).

В результате автор приходит к некоторым конкретным выводам по истории шахмат. Шахматы, по его мнению, были заимствованы восточными славянами «не раньше VIII и не позже IX—X вв.» из стран Востока (стр. 42). В древней Руси (в раннее и позднее средневековье) искусство шахматной игры было распространено в городах, причем не только в среде городских верхов, но и в широких кругах горожан — ремесленников и «мелких торговых людей», что доказывается находками большого количества шахматных фигур, из которых многие выполнены не из дорогого материала (слоновой, мамонтовой или моржовой кости), а из дерева — в том числе два неполных деревянных набора — «крупнейшая... археологическая коллекция шахмат», открытая в слоях XII—XV вв. Новгородской экспедицией Института археологии АН СССР (см. стр. 155).

Популярность шахмат в древней Руси подтверждается тем, что шахматы успели «пустить глубокие корни в народе», несмотря на суровые и постоянные преследования церковниками этой игры, как и других игр, что отражено в письменных памятниках, приведенных автором книги (стр. 156 и др.). Сужение социальной среды, в которой была распространена игра в шахматы, в течение XVIII в., И. М. Линдер объясняет отчасти общим ухудшением условий жизни городских «низов», отмечая в то же время вытеснение шахматной игры во всех слоях общества картами.

Однако некоторые частные утверждения И. М. Линдера вызывают возражения. Он считает, например, что так как реалистическая традиция изображения шахматных фигур у холмогорцев сложилась до XVII—начала XVIII вв., то фигуры ладьи «могут отражать и более древнее устройство русского судна» (стр. 117). Между тем на Архангельском Севере еще в XIX в. бытовало грузовое судно — ладья, и поэтому утверждение автора, что уже в XVIII в. «слово «ладья» вышло из употребления и сохранилось лишь как шахматный термин» (стр. 39) неточно; да и ладью холмогорские костерезы, конечно, наблюдали и в действительности.

Указывая, что шахматы были по своему происхождению военной игрой, а сама игра тренировала стратегические и тактические навыки воинов, И. М. Линдер находит подтверждение последнему в былинах. «Изучению древнейшего периода в истории шахмат может во многом помочь критический анализ шахматных эпизодов и мотивов в народном эпосе», — пишет он. — По-видимому, не случайно народные певцы, создавая героические былины, включали шахматы в число традиционных средств испытаний силы и ума любимых героев-богатырей». Автор отмечает, что «благодаря былинам мы узнаем и о популярности шахмат среди русских воинов (ею увлечены все главные герои эпоса)» (стр. 155). Шахматной игре учили с детства, и она становилась «средством воспитания», включаясь затем в число состязаний наряду со стрельбой в цель, борьбой (и конскими ристаниями, добавим от себя); к ней «с детства приучали будущих воинов. Былины с несомненностью говорят нам о высокой народной оценке шахмат» (стр. 94).

Он приводит и выразительный текст былины об игре в шахматы богатырей на заставе, где она фигурирует «как деталь быта, как средство отдыха воинов, их своеобразная тренировка в шахматном сражении перед встречей с врагами Руси» (стр. 95).

Дальше автор рассматривает в историческом плане в пределах своей темы и поэтику былины: «Об отношении эпоса к игре свидетельствуют к тому же постоянно сопровождающие ее эпитеты. Шахматы называются в былинах «славными», предметом высокой ценности — «дорогими тавлеями золочеными». Богатырям приносят «шахматницу дорожку, со золоты тавлеями с темя дорожки, вольящеты» (т. е. резными фигурами). Здесь мы встречаемся, по-видимому, не только с желанием изображать вещи большой красоты и высокого качества, как это характерно для употребления эпитетов в былинах, но и с реалистическим описанием шахмат, «...представлявших собой художественные произведения прикладного искусства» (стр. 95).

Вообще автор вдумчиво относится к возможности использования былины в качестве исторического источника, подчеркивает необходимость учитывать их специфику как художественных произведений, «символический характер обобщений» в них. Он настаивает, что нужно искать «в излюбленных традиционных формулах не описание действительного хода шахматной борьбы, а совсем другой, более общий смысл» (стр. 97). «...Перцы Киевской Руси были людьми наблюдательными, а нередко и много знающими и не пели бессмыслицы» (там же), иначе «лишаются всякого и художественно-обобщающего, и историко-бытового смысла десятки шахматных эпизодов, встречающихся в эпосе» (стр. 102).

Руководствуясь этим, он делает попытку по былинам восстановить некоторые правила шахматной игры на Руси и строит даже гипотезу, что термин «ступень», или «заступь» (которые он считает древнерусскими), при былинном описании игры в шахматы означают не отдельный ход, а партию: «Игра трех «заступей» — трех партий — и стала традиционной формулой былины». Автор указывает на то, что в некоторых вариантах слово «заступь», или «ступень», заменено словом «игра»: «тут сыграли они игру первую» (стр. 98).

Если эта гипотеза не вызывает особых возражений, то едва ли можно согласиться с толкованием автором былинной формулы «Шах да и мат да и под доску». Автор трактует ее как отражение старинного обычая шахматистов, по которому проигравший должен был пролезать под шахматной доской (т. е. столом, на котором она стояла или частью которого была). Во-первых, этот обычай никак не отражен не только в сюжете былины о Ставре Годиновиче (в сборнике Кириши Данилова), откуда взята эта формула, но ни в одном из других сюжетов, — везде в них условия проигрыша иные. Во-вторых, проще предположить, что выражение «под доску» значит, что с доски сбрасываются шахматные фигуры проигравшего. Ведь одна из приведенных самим автором пословиц говорит как раз об этом: «Шахнул ему — с поля долой» (стр. 136), а в другом варианте былины о Ставре мнимый посол, обыгрывая игроков князя, «а во третьей раз ступил, дак их с доски сгнул» (см. стр. 101).

Не разбирая здесь подробно утверждения автора, что «тавлен» в былинах равнозначны «шахматам», хочу все же заметить, что, очевидно, более прав был В. В. Стасов, а вслед за ним О. Ф. Миллер, считавшие «тавлен» в былинах особой игрой типа нардов, о которой упоминает и автор.

В заключение хочется повторить, что привлечение эпоса в работе И. М. Линдера особенно целесообразно потому, что письменные источники по избранной им теме скудны, и данные археологии и фольклора приобретают особое значение.

Можно лишь пожелать, чтобы сами фольклористы пристальнее занялись разработкой методики использования фольклора как исторического источника. Тогда бы представители других специальностей могли увереннее и в то же время осторожнее использовать в своих исследованиях фольклор. Ведь и И. М. Линдер обращается к старому представлению об исторических «слоях» в эпосе, недостаточно учитывая, насколько органически, а не механически переработан в течение многих столетий каждый дошедший до нас вариант былины. «...Предстоит еще много труда, — пишет он, — чтобы тонким скальпелем исследователя снять напластования времени и показать, как выглядела жизнь и культура Киевской Руси в художественном отображении народного эпоса» (стр. 104). Едва ли самый тонкий скальпель поможет в механическом отделении «напластований» в былинах: в эпосе нет стратиграфических слоев, даже сильно смещенных, — каждый текст представляет единое слитное новообразование. И здесь нужна другая, более сложная методика. Ее надо вырабатывать сообща всем исследователям, заинтересованным в воссоздании культуры древней Руси.

Книга богато иллюстрирована: 29 рисунков штриховых и на сетке, кроме заставок, и две карты: «Предполагаемые пути распространения шахмат из Средней Азии и Ирана в VIII—X вв.» и «Археологические находки шахмат в городах древней Руси X—XV вв.». К сожалению, клише недостаточно четки, серы.

Приходится отметить одну досадную погрешность: в книге помещен рисунок «Страница „Лицевого букваря“ Кариона Истомина. Москва, 1694 г.» (стр. 111). Текст расположен как бы в два столбца, но на самом деле в каждой строке просто имеется разрыв. Автор же помещает лишь левую половину текста — «довольно любопытную подпись», не заметив, что получается бессмыслица, например:

Яко шар везде
В игре шахматов
Без того мощно

Полная же строка звучит так:

Яко шар везде в службе ти катаяся
В игре шахматов не велми считаися
Без того мощно имети забаву.

(стр. 110)

Неудовлетворительны заставки, выполненные художником Г. В. Дмитриевым, который, видимо, не вполне представляет себе специфику быта древней Руси, и это вступает в противоречие с документальным характером остальных иллюстраций и всей книги. Так, русские воины на заставке, представляющей момент, когда проигравший шахматы лезет под шахматный столик, изображены не только в кольчугах, но и в шлемах с кольчужной сеткой — бармицей; между тем, даже в походах доспехи зачастую надевали непосредственно перед боем, а до этого нередко везли их в обозах — «товарах».

Р. Липец